

§ 2. Мир без абсолютного лидера. Эпоха новых коалиций и складывание системы G-x

1. О некоторых факторах, способствующих движению к новому мировому порядку. Разрушение существующего мирового порядка; Антиамериканизм, желание иметь противовес США и борьба за Глобальный Юг. – 2. Мир без абсолютного лидера – основа нового мирового порядка. – 3. Мир без абсолютного гегемона. Каким он будет? Почему «мировой концерт»? – 4. Некоторые предположения о группе Gx. – 5. О фазах реконфигурации Мир-Системы и движения к новому мировому порядку. – 6. Опасность недооценки возможностей США

1. О некоторых факторах, способствующих движению к новому мировому порядку

1.1. Разрушение существующего мирового порядка

В этой работе был проанализирован в разных аспектах процесс разрушения старого мирового униполярного порядка, который устанавливался с 1990-х гг. Последний базировался на целом ряде механизмов, прежде всего безусловном лидерстве США и ряде преимуществ Америки и ее союзников из развитых стран; на возможности США препятствовать изменению границ, возникновению региональных конфликтов и т. п.; на определенном балансе сил и некотором ограничении соперничества в области гонки вооружений; тренда на демократизацию и соблюдение прав человека (см., например: [Хантингтон 2003б]); на системе международных организаций, в целом поддерживающих господство США; на стремлении расширить и укрепить процесс глобализации; на развитии принципа максимального использования конкурентных преимуществ в той или иной экономической специализации, в том числе развития свободной торговли, свободы перемещения капитала, соблюдения правил международной торговли; диктате правил, ограничивающих (по сути, в пользу США и их союзников) эмиссию национальных валют, и т. п. Многие из этого декларировались в Вашингтонском консенсусе.

С одной стороны, в настоящее время многое из этого ослабло, заблокировано (та же работа ВТО) или даже превратилось в свою противоположность (например, идея о свободной торговле и свободном движении капиталов). Главное же – лидерство США ослабло и все более серьезно оспаривается. В результате возникают новые конфликты, а ряд застарелых спорных проблем, болезненных для тех или иных держав, начинают решать военным путем. Хуже того, межстрановые конфликты приобретают мировое значение. Так, конфликт в Газе привел к разнообразным последствиям, в том числе сильно повлиял на логику мировой торговли²³¹. С другой стороны, и сами

²³¹ В частности, в результате деятельности хуситов в Красном море и провала международной, во главе с США, операции по борьбе с ними движение контейнеровозов через Суэцкий канал сократилось на 90 %. Только в июне 2024 г. были атакованы 52 судна, пять из которых были повреждены, а еще два затонули [Шчещняк 2024; Cohen 2024].

США начинают активизировать вовлечение своих союзников в военные альянсы (АУКУС, азиатское НАТО [см. главу 2, § 4]). Баланс сил меняется не в пользу Запада. Система международных организаций все сильнее превращается в инструменты обслуживания сиюминутных решений. Господство доллара все еще сильно, но с каждым годом и даже месяцем усиливаются поиски возможностей ухода от доллара (см. § 1 этой главы). Продвижение демократии, которое свидетельствовало об укреплении Pax Americana, приостановилось и даже стало откатываться назад [Goldstone *et al.* 2022b; Selbin 2022; Zhdanov, Korotayev 2022]; сама демократия из-за цензуры и других недемократических процедур клонится к упадку (см., например: [Kotkin 2024b; о проблемах современной демократии см.: MacEoin 2018; Tsirel 2020]), к тому же Д. Трамп считает такую политику насильственного продвижения демократии ненужной США; соблюдение прав стало очень двусмысленным и подверженным двойным стандартам (недавний пример – оправдание уничтожения жителей, включая детей, Газы [Roussinos 2023]).

1.2. Антиамериканизм, желание иметь противовес США и борьба за Глобальный Юг

Антиамериканизм – явление не новое, зримо проявившееся еще в период холодной войны. Однако в современном мире антиамериканизм усиливается и становится одним из главных факторов, способствующих трансформации мирового порядка и, соответственно, определяет и движение к новому порядку, особенно с учетом повышающейся роли стран Глобального Юга. 15 лет назад З. Бжезинский [2010б] указывал, что глобальное политическое пробуждение, которым он обозначал заметно растущую роль в мировых делах поднимающихся стран третьего мира, исторически является антиимперским, политически антизападным и эмоционально все более антиамериканским. Он подчеркивал, что в своем развитии оно вызывает смещение центра глобального притяжения. А это, в свою очередь, в глобальном масштабе меняет расположение центров власти и оказывает серьезное влияние на роль Америки в мире. С тех пор процесс заметно усилился. Быстро проходит время (а где-то оно уже прошло), когда Америку воспринимали как символ свободы, огромных шансов для самореализации и искреннего поборника демократии. Напротив, и претензий, и разочарований, и прямой ненависти к США становится все больше у все большего числа стран и людей. Разумеется, это нарастание материализуется далеко не сразу и разными формами, но в целом поддержка США в мире сокращается. Особенно в странах Глобального Юга и особенно в исламских странах (см., например: [Why... 2023; об отношении к США и Западу среди исламистов см.: Хантингтон 2003а; Левин 2014; Царегородцева 2017; Osman 2016; Achilov, Sen 2017; Гринин Л. Е., Коротаев 2019б; Grinin L. *et al.* 2019; Леви, Михаэли 2024]). При этом в развивающихся странах в большинстве случаев объединяют США и Запад в одно. Несомненно также, что за период правления Д. Трампа антиамериканизм расширится, усилится и углубится повсеместно.

Антиамериканизм во многом сближает довольно разные страны, такие как Венесуэла, Иран, Сирия, КНДР, Китай, РФ и другие. Образно говоря, антиамериканизм – это тот самый клей, который скрепляет их неформальный союз [Cuenco 2024].

Антиамериканизм сегодня зашел так далеко, что некоторые аналитики в Европе считают, будто «враждебность к Америке – самая популярная идеология на Западе» [Neff 2024]. Почему? Если вдуматься, то это вовсе не удивительно. Автор статьи в *Neue Zürcher Zeitung* (Швейцария) Б. Нефф выделяет несколько причин. Он пишет, что долгое время критика в адрес США и западных ценностей была уделом только левых партий в Европе, поскольку левые активисты на протяжении десятилетий считали Запад эксплуататорской силой. Это верно, но стоит добавить, что и многие левые в США (в том числе среди мир-системщиков, см. Введение) так же относились к Западу в целом и США в частности. Далее Нефф отмечает, что теперь к ним присоединились и правые политики. Он объясняет это недовольством диктатом США, поясняя, что некоторые даже считают, будто оккупация Германии Америкой продолжается. На мой взгляд, не *даже*, а абсолютно обоснованно, поскольку Германия и вся Европа, как мы уже говорили в этом исследовании все заметнее и безальтернативнее превращаются в безропотных вассалов США. А для правых, которые неразрывно связаны с идеологией национализма и суверенитета, это очень болезненно. Впрочем и для многих левых. Так, «Союз Сары Вагенкнехт» (БСВ) в своей предвыборной программе заявил, что Европа «больше не должна быть цифровой колонией Соединенных Штатов» [Neff 2024]. Соответственно, легко сделать выводы, что единственный путь к уменьшению такой зависимости – возврат к многополярности. Неудивительно, что «Альтернатива для Германии» (АдГ) теперь почти единодушно стоит за многополярность. Но США как раз и понимают, что Германию надо отрезать от России, что они и сделали, взорвав «Потоки». Мало того, как указывалось в предыдущем параграфе, фактически США теперь придерживаются лозунга «Кто не с нами – тот против нас». А для многих европейцев, тем более швейцарцев, традиционно нейтральных, это неприемлемо²³².

Наконец, добавлю, что многим европейцам, которые хотели бы по-прежнему уважать свои страны и Европу в целом, тяжело мириться с «инновациями» в области половой и гендерной морали, половым воспитанием в школе, а также с двойными и тройными стандартами, полной потерей медиасвободы и многими другими вещами, в принципе противными классиче-

²³² Так, крупная швейцарская немецкоязычная ежедневная газета “*Neue Zürcher Zeitung*” [NZZ] сделала вывод: каждый, кто отстаивает нейтралитет Швейцарии, – постоянный, вооруженный и всеобъемлющий, – является врагом Америки. А тот, кто придерживается нейтралитета в конфликте между США и Россией, является «антиамериканистом». Автор ответа на эту статью [Neff 2024] справедливо отмечает, что швейцарцу не обязательно думать, будто все, что делают американцы, правильно. Америка в последние годы досаждала Швейцарии больше, чем Россия. Только подумайте о золоте Национального банка! И даже во время и после Второй мировой войны американцы не испытывали особых симпатий к швейцарскому нейтралитету [Blocher 2024].

ской либеральной европейской идеологии. Автор статьи [Neff 2024] верно замечает, что неприятие Запада также приходит извне: от иммигрантов из арабских стран, которые хотят жить на Западе, но презирают его. А поскольку роль мигрантов (см. главу 4, § 2) растет, то и нелюбовь к Америке тоже. Все это подтачивает роль США.

Желание иметь противовес США и многовекторность. Другим очень важным фактором является желание многих стран, чтобы в Мир-Системе был какой-то противовес США, что неудивительно, так как у многих стран Соединенные Штаты не вызывают ни восхищения, ни уважения. Это приводит к усилению зависимости от жесткой силы, что имеет мультипликативный эффект в виде усиления глобального негодования [Striker 2024c]. Одни видят этот противовес в РФ, другие – в Китае, но рост БРИКС еще более интересен им (см. следующий параграф).

По мнению польского обозревателя Б. Дрвенского [2024], большинство стран желает, чтобы Россия совместно с другими глобальными или региональными державами была сильным противовесом США и блоку НАТО. Популярность БРИКС состоит во многом в его альтернативе Западу. Страны хотят иметь возможность выбора, а однополярный мир не дает этого. Поэтому такая тяга к БРИКС. Бывший премьер-министр Великобритании Г. Браун, хотя и использует западный политический жаргон, вполне прав, когда говорит, что «увеличение вдвое количества стран – членов БРИКС указывает на стремление мирового сообщества формировать более оппортунистические связи, которые могут оказаться потенциально опасными» [Сафаров 2024].

Также вполне можно согласиться с М. Захаровой, которая в своем телеграм-канале пишет, что увеличение вдвое количества стран – членов БРИКС указывает на решимость стран развиваться согласно своим национальным интересам, хранить традиции цивилизации и не допускать разрушительного влияния западной либеральной диктатуры [Там же]. Действительно, американские политики рассматривают напряженность, возникшую в результате формирования многополярного порядка, как глобальную борьбу между демократией и деспотией [Fazi 2024a]. А продвижение демократии по-американски многим режимам сильно не нравится. Тем более что американские руководители (в частности, так делала К. Харрис), «клянутся никогда не колебаться в защите безопасности и идеалов Америки, так как твердо знают, на чьей стороне США в извечной борьбе демократии и тирании» [Там же]. В переводе с политического на обычный язык это значит, что США всегда и прежде всего на стороне США, а претензии к нарушениям демократии в любой стране – это только возможность оказать на нее нажим или свергнуть там режим²³³.

Поэтому к силам, противостоящим Америке, будут так или иначе примыкать различные страны, хотя такие коалиции и могут быть непрочными. Еще

²³³ Все это делается в условиях постоянной серьезной деградации демократической системы США, постоянному ухудшению ситуации с обеспечением гражданских прав там (см. Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О ситуации с правами человека в Соединенных Штатах Америки», раздел 1 [Доклад... 2024]).

более распространено, что многие страны все активнее проводят многовекторную политику: в одном случае она направлена против США, в другом – на сотрудничество с Америкой и т. п. Активность в плане желания вступить в БРИКС также наглядно демонстрирует эту многовекторность. Все это подтверждает продуктивность теории эпохи новых коалиций. Соответственно, в эту эпоху растущей многовекторности США и Западу будет все сложнее пытаться изолировать неугодные им страны, а борьба за Глобальный Юг будет нарастать.

Борьба за влияние на страны Глобального Юга. Борьба за Глобальный Юг становится важнейшим фактором развития борьбы за новый мировой порядок. Это хорошо осознают и лидеры и аналитики. Нам необходимо постоянно давать понять развивающимся странам, что союз с Западом обещает им лучшее экономическое будущее и большую безопасность, – такие призывы на Западе усиливаются [Kotkin 2024a]. В связи с ослаблением американского могущества и ростом силы восходящих держав среди американских геостратегов имела хождение идея выстроить широкое сотрудничество центров силы при ведущей роли США и на американских условиях. Разумеется, американские элиты ее проигнорировали, оставаясь приверженцами политики доминирования и силового воздействия. Но в данном контексте интересно, что в этой стратегии, которая определяется как «сверхбалансирование» [overbalancing; см.: Rosencrance 2014], предполагалось размывание растущей роли наиболее вероятных конкурентов Вашингтона, в первую очередь Китая, но также и России, за счет поощрения амбиций восходящих государств «второго эшелона» [Яковенко и др. 2023: 47].

Иными словами, планировалась попытка использовать именно крупные развивающиеся страны, чтобы уменьшить влияние Китая и РФ. Нельзя сказать, что США совсем не пользуются этой доктриной, в отношении Китая они постоянно стремятся разжигать противоречия между ним и другими странами (Филиппинами, Вьетнамом, Индией), но Америка все-таки делает это в рамках своих старых гегемонистских тенденций, а в результате недостаточно гибко. Стремление использовать развивающиеся страны против «ревизионистских» держав имеет место и в идее так называемого «бесплюсного мира» [Haass, Kupchan 2021]. Вместо перераспределения силы между ограниченным числом держав, характерного для полицентричного порядка, во главу угла ставится ее распределение среди разнотипных игроков. Для этого Вашингтону рекомендовалось использовать разного рода многосторонние форматы вроде G-20, то есть организации, которая включает не только США и американских союзников из числа развитых государств, но и Аргентину, Индонезию, Мексику, Саудовскую Аравию, Турцию [Яковенко и др. 2023: 47]. Как видим, американцы тоже предлагали играть в игру «новых коалиций», втягивая в них развивающиеся страны. Но с настроением большинства их политической элиты это не особенно получается. И не случайно. Геополитическая идея «бесплюсного мира» заключалась не в усилении конфронтации, а в ее ослаблении и усилении посреднической роли США. Смысл заключался в том,

что в «системе с множеством влиятельных участников растет потребность в координирующей силе, предотвращающей ее хаотизацию» [Яковенко и др. 2023: 47–48]. Тогда, согласно указанной концепции, Соединенные Штаты будут играть такую регулирующую роль, добиваясь отношений привилегированного партнерства со всеми основными игроками и поддерживая конкуренцию между ними. Формирующийся таким образом международный порядок, уверяют американские эксперты, будет характеризоваться снижением военно-политической напряженности между странами при сохранении активного экономического соперничества [Там же]. Но, увы, американский истеблишмент предпочел втянуть мир в конфликт. Для нас же в любом случае важно, что роль развивающихся стран в геополитических стратегиях растет.

В главе 2, § 3 мы достаточно подробно говорили о соперничестве за Африку²³⁴. Похожие процессы идут и в соперничестве за АТР. Только там очень заметную роль играет антикитайская политика США. Последние заигрывают с целым рядом стран, такими как Вьетнам, Филиппины, Индия и др., чтобы усилить антикитайское окружение. Но в большинстве случаев (Филиппины, скорее, исключение) страны предпочитают вести разновекторную торговую, внешнюю и военную политику. Как указывают В. Г. Барановский и В. Б. Кувалдин, сегодня в корне меняется роль развивающихся стран, растет их значение в мировой экономике и политике. Изменилось их отношение к ведущим державам, осуществляется политика активного сотрудничества со всеми перспективными партнерами независимо от их геополитической ориентации (мы говорили об этом подробно в главе 2, § 3). Такой «прагматизм во внешнеполитических взаимодействиях с упором на экономическую эффективность делает развивающиеся страны полноценными участниками процесса определения контуров и правил игры глобального мира XXI в.» [Барановский, Кувалдин 2023]. Повышение значимости стран Глобального Юга для Запада, РФ, Китая и других акторов усиливается тем, что имеется нехватка уверенности в том, что Америка по-прежнему выступает флагманом мирового политического процесса [Peer 2024] и, более того, многие политики и страны, в частности в Индии, считают, что американское доминирование в мире подошло к концу [Добров 20246].

²³⁴ Стоит добавить, что высшие американские администраторы в последнее время достаточно активно посещают Африку. Сам президент Дж. Байден планировал посетить Африку в 2023 г., но поездку пришлось отменить из-за конфликта в Газе, и в 2024 г., но она тоже не состоялась. Зато министр финансов Дж. Йеллен представляла Байдена на саммите по финансированию экономики стран Африки, состоявшемся в Париже в мае 2021 г., а затем совершила африканское турне в январе 2023 г., посетив, в частности, Сенегал, Замбию и ЮАР. За ней последовали вице-президент К. Харрис, вновь побывавшая в Замбии, а также в Гане и Танзании [Kanno-Youngs, Latif Dahir 2023], а в сентябре и глава Пентагона Л. Остин [Ware 2023], который посетил Джибути, Кению и Анголу. Таким образом, вместе за год они посетили восемь африканских стран. Среди наиболее важных вопросов, обсуждавшихся в ходе этих визитов, проект создания железнодорожного сообщения между Демократической Республикой Конго, богатой природными ресурсами, и портом Лобиту в Анголе; и перенос штаб-квартиры африканского командования Вооруженных сил США (AFRICOM) из Штутгарта (Германия) в одну из африканских стран [Маджид 2024].

Таким образом, один из главных выводов в плане движения к новому мировому порядку, который я могу сделать, – **конкуренция за страны Глобального Юга, в том числе за Африку, будет нарастать**. При этом гибридная война все более распространяется и на Глобальный Юг²³⁵.

Нестабильность и ненадежность США как партнера и быстрая деградация их политической элиты. Еще среди факторов, способствующих движению к новому мировому порядку, – нестабильность и ненадежность США и быстрая деградация их политической элиты. Об этом пишут очень многие. Вот только одно высказывание. Американская политическая система может оказаться в состоянии паралича по самым важным стратегическим вопросам, а это заставит мир усомниться в глобальном лидерстве Америки. Бывший министр обороны Р. Гейтс утверждает, что «политические неурядицы в США способствуют усилению геополитической нестабильности, потому что в расколотовой Америке отсутствует постоянство и решимость сдерживать силы глобального беспорядка» [Brands 2024]. Такой нестабильностью крайне недовольны все: и противники США, их яростные критики (постоянные критики), и патриоты-«ястребы» (как автор статьи), и просто патриоты.

К сказанному относится усиливающийся внутренний гражданский конфликт США, который делает их недостаточно дееспособными во внешней политике и заставляет страны каждый электоральный цикл с тревогой думать, в какую сторону повернет американская политика теперь. Несмотря на призывы²³⁶, ситуация в этом плане стремительно ухудшается. Два подряд покушения на кандидата в президенты в кампанию 2024 г. – это показатель чудовищного разлада в американском обществе, который растревается с обеих сторон постоянно. О внутреннем конфликте в США мы говорили в главе 2, § 2. Как уже сказано, попытки «перестройки», планируемые командой Д. Трампа, с большой степенью вероятности способны лишь усугубить указанный гражданский конфликт.

Разумеется, какие-то шансы на то, что тренд может измениться, остаются. Но пока есть основания прогнозировать, что все указанные характеристики, а именно *ненадежность и нестабильность США как партнера, деградация высшей политической элиты и усиление внутриобщественного конфликта в США будут усиливаться, принимая иногда неожиданные формы*.

²³⁵ Н. Джамбруно [Giambruno 2024] пишет, что опосредованные войны третьей мировой войны разгорятся в Африке, поскольку крупные державы борются за получение стратегических ресурсов. С 2020 г., напоминает он, в результате военных переворотов прозападные правительства в Буркина-Фасо, Судане, Гвинее, Мали, Нигере, Габоне и Чаде были заменены нейтральными правительствами или режимами, поддерживающими Россию и Китай.

²³⁶ «В конечном итоге Западу необходимо выйти из спячки и начать строить свои дела заново. Вместо того, чтобы идти к новой гражданской войне по идеологическим мотивам, нам нужно новое чувство гражданской цели, которое включает в себя сосредоточение внимания на профессиональной подготовке, улучшении базовой инфраструктуры и распространении передовых технологий» [Kotkin 2024a].

2. Мир без абсолютного лидера – основа нового мирового порядка

В этой работе мы много говорили об ослаблении США. Собственно, это была одна из главных тем монографии. Повторять здесь это смысла не имеет. Очевидно, что турбулентность и дестабилизации готовят новый порядок. Но возникает вопрос: какого типа будет этот новый порядок? И придет ли на смену лидерству США аналогичный новый лидер, либо конструкция мирового порядка будет иной?

Мы уже касались этой проблемы в § 1 и § 3 главы 1, но теперь проанализируем ее подробнее.

Абсолютное лидерство – это исключение, а не правило. А. В. Коротаев и Л. Е. Гринин отмечали, что гегемон обычно обладает не всеми преимуществами, а только некоторыми (финансовыми, технологическими и др.). Поэтому совмещение у США практически всех преимуществ лидера – это исключение. А значит, не следует ожидать, что исключение станет правилом. После Второй мировой войны, и особенно после падения СССР, США, в отличие от предшествующих мировых лидеров, сосредоточили в себе очень большой спектр лидерства: от технологического и военного до научного и культурного, включая политическое, валютно-финансовое, экономическое, инновационное, идеологическое и др. Это был первый (и, видимо, единственный) подобный случай в мировой истории.

Ни один лидер до этого не обладал таким спектром преимуществ. Ни Англия, ни тем более Голландия или Генеуя, может быть, только Римская империя, если не считать Китая, который был центром в другом конце африканской мир-системы.

Поэтому (а также и по многим другим причинам) *утрата США главенствующей роли будет означать глубокую, весьма трудную и кризисную трансформацию самой Мир-Системы*, даже ближайшие последствия которой во многом не ясны [Гринин Л. Е. 2014].

Но стоит отметить, что спектр лидерства США сужается. Теперь уже сложнее назвать США лидером культуры Мир-Системы, заимствование американской культурной продукции («культурной» лучше взять в кавычки) сокращается на фоне роста других культурных центров типа Нолливуда в Нигерии (см. о нем, например: (Endong 2018; 2022]). Идеологическое лидерство также быстро размывается, доктрины ЛГБТ явно не могут претендовать на мировую идеологию, а зеленая повестка оккупирована глобалистами. «Америка прежде всего» еще менее годится для мировой идеологии. Таким образом, Америка Трампа добровольно отказывается от идеологического лидерства в мире, что, конечно, шире открывает окно возможностей для РФ и других стран в плане предложения миру новой глобальной идеологии (о ней см. Заключение). В плане промышленности США также перестали быть абсолютным лидером. В экономическом плане Китай догоняет их. В военном отноше-

нии также лидерство США сокращается, в частности в отношении ВМС. США по-прежнему являются притягательными для мигрантов, но и здесь есть изменения. Есть изменения, неприятные для США, и в плане инноваций, научного развития и др., хотя здесь акции Америки еще стоят высоко. Можно предполагать, что и далее будет идти давление, ослабляющее лидерство США в отдельных сторонах указанных аспектов. Но США будут с этим отчаянно бороться, как мы видели в отношении, например, ИИ и возможного сокращения хождения доллара.

Исключение вряд ли станет правилом. А значит, новый гегемон вряд ли появится. Само наличие единственного гегемона в мировом порядке – исключение. Обычно формировалась либо модель «концерта великих держав», либо биполярная система (см. главу 1, § 3). Таким образом, вряд ли стоит ожидать, что в современных условиях появится новый абсолютный лидер.

Тут, прежде всего, следует сказать, что **ослабление способности США быть лидером не означает, что США как лидера заменит другой гегемон.** Мы подробно аргументировали свою позицию (см.: [Гринин Л. Е. и др. 2024а; Grinin L. *et al.* 2023; см. также: Гринин Л. Е. 2015б, 2016а, 2016в; Grinin L. *et al.* 2016; Grinin L., Korotayev 2015]), что не следует ожидать простой смены лидерства, как представляют нередко сторонники циклов гегемонии²³⁷. Это связано с тем, что в Мир-Системе нет ни государства, ни иного образования, которое могло бы заменить США, сосредоточивших в своих руках уникальный объем лидерства. Уже одно вышеприведенное перечисление показывает: место в Мир-Системе, подобное положению США, не сможет занять никто, так как никто больше не сможет соединить одновременно столько ведущих функций (см. также: [Zakaria 2008; Wohlforth, Brooks 2016]).

Иными словами, на смену США вряд ли явится такой же по мощи лидер. Отсюда мы прогнозируем, что **следующая система мирового порядка будет напоминать «концерт великих держав»**, точнее держав и блоков (например, ЕС и др.). Я согласен с аргументами А. В. Коротаева и Л. Е. Гринина.

Что касается перспектив возможной глобальной гегемонии Китая, на которые указывают некоторые исследователи (см., например: [Айвазов 2012; Komlosy 2019]), то было продемонстрировано [Гринин Л. Е. 2013в; Grinin L. *et al.* 2015], что, с одной стороны, его экономическая, военная и политическая позиции укрепятся в ближайшие десятилетия, но, с другой стороны, страна, даже предполагая все возможные будущие успехи, не сможет занять не то чтобы все, но даже основные позиции США в Мир-Системе по ряду причин. А в Китае много проблем: от демографических до экологических, от огромного внутреннего долга до коррупции, но главное – мотор роста слабеет, а экономическая модель требует решительной перестройки, на что руководство не решается.

²³⁷ См., например: [Валлерстайн 2001; Arrighi 1994; Modelski, Thompson 1996; Wallerstein 2003; Vieira 2022].

Основания, по которым предполагалось и все еще предполагается, что Китай будет таким же абсолютным лидером, по сути, заключаются в том, что его нынешний экономический рост позволит сначала догнать США по ВВП по номиналу, а затем подтянуться к богатым странам по объему производства на душу населения. Тогда экономическая мощь страны с населением 1 млрд 400 млн человек станет невероятной.

Такой подход основан на двух не всегда ясно выраженных послылках: 1) высокие темпы роста могут продолжаться очень долго; 2) объем производства равнозначен месту государства в мировой системе [Гринин Л. Е. 2014]. Последние несколько лет вполне показали, что темпы роста замедляются и будут замедляться. Достичь уровня развитых стран на душу населения Китаю вряд ли удастся, поскольку это просто невозможно, не хватит никаких ресурсов, но достичь достаточно высокого уровня потребления он, конечно, может.

Итак, возможности даже заметного экономического роста в Китае весьма ограничены, а быть даже первой по валовому продукту державой мира абсолютно не значит быть центром Мир-Системы по многим причинам. Ясно также, что некоторые из перечисленных выше аспектов лидерства будут недоступны для Китая по определению (см. о некоторых аспектах: [Фишер 2011]). Ну можно ли вообразить, что юань станет резервной мировой валютой уровня доллара? Пока такой перспективы не просматривается. Даже достижение реальной конвертации юаня было бы огромным успехом. В самом лучшем случае юань мог бы претендовать на место, подобное японской иене.

Китай может стать (и становится) одним из главных центров силы, без всяких сомнений, но быть абсолютным лидером по типу США ни он, ни кто другой не способен. **И в этом коренная особенность современного мирового порядка.** Повторим, выход США из состояния абсолютного лидерства несет непредсказуемые последствия для Мир-Системы. Они непредсказуемы по многим причинам, и все эти последствия усиливается непредсказуемостью поведения американской политической элиты и глобалистов.

Но, возвращаясь к Китаю, скажем: в альянсе с РФ, например, сила заметно возрастает. Поэтому больше шансов (но все равно, по моему мнению, их немного), что Китай станет центром силы в новом двуполярном мире (см. об этом в § 1 этой главы и [Кортунов 2024: 81]). Если мировой порядок будет многополярным, то Китай однозначно станет одним из главных полюсов.

3. Мир без абсолютного гегемона. Каким он будет? Почему «мировой концерт»?

Итак, мы выяснили, что на смену лидерства США с очень большой долей вероятности придет **мир без абсолютного гегемона**. Не сразу, конечно, так как будет сложный переходный период (см. ниже). Но сейчас мы рассмотрим контуры нового мирового порядка, как его вижу я и мои коллеги, когда основные его формы уже сложатся. Несмотря на то что сегодня мы находимся

в фазе противостояния борющихся сил, борьбы за новой мировой порядок, реконфигурации Мир-Системы и других сложных и турбулентных процессов, уже сегодняшние тенденции могут дать некоторые намеки на формы перехода к будущему мировому порядку.

Итак: как может функционировать мир без абсолютного гегемона? Если мы все же говорим о мировом порядке (а не о мировом беспорядке), то очевидно, что новый мировой порядок потребует достаточно устойчивого баланса сил и интересов, новых моделей наднационального управления и координации глобальных процессов.

Мы уже видели, что существуют разные подходы к тому, чтобы описать контуры будущего мирового порядка. В этом параграфе будет изложено авторское видение.

Мы можем найти некоторые аналогии (конечно, далеко не полные) такого порядка в предшествующих системах мирового порядка. Это может быть похоже или на «концерт» мировых держав, как это было в XIX в., или на баланс двух противостоящих группировок, как это было в 1890-х – 1914 гг. Но второй вариант означает приближение фактически мировой войны, которая в настоящий момент, я все же надеюсь, не имеет больших шансов реализоваться. Поэтому думаю, что новый мировой порядок будет ближе к первому варианту. Таким образом, **разрушение гегемонии США приведет к появлению нового «концерта» крупнейших держав.**

«Мировой концерт». Об идее нового «мирового концерта» мы уже говорили в главе 1, § 1 и 3.

Ее приверженцем был, в частности, Генри Киссинджер, по мнению которого «европейский концерт», сформировавшийся после Венского конгресса 1815 г., в известной мере является образцом для модели мирового порядка и сегодня [Киссинджер 1997; Kissinger 2014]. Другие политологи, например Ричард Хаас, также говорили о необходимости создания подобия европейского «концерта держав» на глобальном уровне [Haass, Kurchan 2021].

Еще в 2005 г. З. Бжезинский, пересматривая долгосрочную стратегию для Америки после провалов внешней политики президента Дж. Буша, предложил создать «Клуб четырнадцати». Он писал, что необходимо разработать новый механизм консультаций между теми странами, которые способны внести серьезный вклад в дело всеобщей безопасности, даже если они поначалу будут вестись на неформальной основе. Это, по его выражению, давно образовавшийся пробел мог бы восполнить полуофициальный, консультативный формат встреч по вопросам глобальной безопасности, представляющий все регионы мира и объединяющий по-настоящему сильные государства. Сформированный при нем постоянный секретариат позволил бы сделать консультирование более эффективным. Согласно представлениям З. Бжезинского, кроме Соединенных Штатов, «его членами могли бы стать:

- три европейские державы: Великобритания и Франция (у обеих – право вето в Совете Безопасности ООН, ядерный статус и силы быстрого реагиро-

вания, предназначенные для действий в отдаленных районах), а также Германия с ее значительным экономическим и военным потенциалом;

- Россия (евразийская держава, обладающая правом вето в Совете Безопасности и значительной военной мощью);

- пять азиатских держав: Китай (право вето в Совете Безопасности), Индия (вместе с Китаем представляет третью часть населения мира и также имеет ядерное оружие), Пакистан (крупное мусульманское государство, обладающее ядерным оружием), Индонезия (страна с самым многочисленным в мире мусульманским населением) и Япония (мировая экономическая держава и мировой кредитор);

- два африканских государства: Нигерия и Южно-Африканская Республика (сыграли ведущую роль в миротворческих миссиях в Африке);

- два латиноамериканских государства: Бразилия (являлась важным участником миротворческой операции на Гаити) и Мексика (главная сила в Центрально-Американском и Карибском регионах)» [Brzezinski 2005; Бжезинский 2006].

Далее Бжезинский писал, что ежегодный саммит по вопросам глобальной безопасности с участием предложенных 14 стран, хотя и не мог бы быстро перестроить мировую политику, но мог бы способствовать более тесному сотрудничеству в деле устранения этих глобальных угроз. ««Клуб четырнадцати», функционирующий в соответствии с вышеизложенными принципами, также проводил бы более ответственную и многоплановую политику в области устранения новых глобальных угроз в нашем бурлящем мире» [Там же].

3. Бжезинский даже считал, что при решении социально-экономических проблем и проблем безопасности «Клуб четырнадцати» мог бы даже заменить «Клуб восьми» (то есть семерку + Россия), верно отмечая, что он оказывается все менее приспособленным к адекватному выполнению этих функций (добавим, особенно после исключения из него РФ).

Но главное, что он имел в виду: **в любом случае взять на себя руководящую роль в организации такого клуба отвечает интересам США.** Правда, Бжезинский понимал, что этот процесс тоже потребует от Вашингтона присоединиться к принимаемым совместно решениям в обмен на распределение бремени ответственности между всеми странами-участницами. Называя свою статью «Последний суверен на распутье» [Brzezinski 2005; Бжезинский 2006], он хорошо понимал, конечно, что для США поступиться своим суверенитетом будет очень сложно. Тут к месту вспомнить о глобальном противоречии современности, согласно которому эгоизм США противостоит интересам всего мира, о котором шла речь в главе 1, § 2.

Идея была интересной, но, к сожалению, она была проигнорирована верхами США, хотя, возможно, в какой-то мере ее реализацией стало образование G-20.

Однако идея Бжезинского, хотя и похожа на концепцию «концерта», но существенно отличается от нее. При системе «концерта» нет руководящей

державы. То, что предлагал Бжезинский, – это вариант сценария мягкой трансформации мирового порядка при ведущей роли США. Вариант хороший, но не воспринятый в Америке как руководство к действию.

Итак, основной сценарий, на наш взгляд, не будет ни однополярным, ни биполярным; возможно, он будет представлять некую группу крупнейших игроков (страны и союзы). Можно ожидать появления своего рода политического форума, или клуба сил, или даже организации, состоящей из нескольких – трех, пяти, семи или более – крупных держав и блоков, способных каким-то образом устроить новый порядок. Это и будет одним из главных изменений в новом мировом порядке. **Такое образование из наиболее важных держав и наднациональных организаций логично назвать Gx.**

Прежде чем высказать наше видение организации Gx, рассмотрим нынешние образования. В былые времена реально ведущим образованием был G7, при этом хотя в него входили союзные страны, в целом принимавшие руководство США, однако это были союзники, обладавшие еще какими-то остатками суверенитета. Поэтому на обсуждениях «семерки», а тем более когда туда вошла Россия (и стала «восьмерка»), нередко имели место разные точки зрения. Но сегодня, как уже сказано, эти страны потеряли и остатки суверенитета, так что они просто вотируют то, что говорят США. Поэтому сейчас «семерка» – это просто США+. Таким образом, G7 нельзя рассматривать как реально способную к глобальному управлению группу. В G20 США сложнее навязать волю крупным странам Глобального Юга, и в этом достоинство указанной организации (площадки). Однако 20 членов – слишком большое собрание, чтобы оно стало реально действующим. По моему мнению, для того, чтобы быть оптимальным, это число членов должно быть меньше. Ниже мы рассмотрим, какое может быть оптимальное число. Но, разумеется, только опыт и практика покажут, в каких вариантах такой форум будет наиболее продуктивным.

Почему это будет «концерт»? Почему я думаю, что по типу это будет именно «концерт» ведущих стран и объединений? Во-первых, на мой взгляд, наиболее устойчивыми в условиях неизбежно возобновляющейся в будущем глобализации нового типа могут быть две конфигурации: 1) примерно та, что описал З. Бжезинский: клуб какого-то количества держав/союзов во главе с США; 2) «концерт» группы ведущих стран и союзов, где решения принимаются на основе каких-то общепринятых принципов и правил путем выработки общих решений, которые потом исполняются тем или иным путем. Всякие иные, на мой взгляд, будут менее устойчивыми и более конфликтными в условиях, когда связанность Мир-Системы будет возрастать, а потребность координации в рамках Мир-Системы усиливаться.

Если же связанность Мир-Системы не будет возрастать, тем более даже будет сокращаться (как происходит сегодня), тогда возможны другие варианты мирового порядка, однако более конфликтные и не дающие возможности Мир-Системе развиваться поступательно. Двуполярная модель может существовать как устойчивая в условиях растущей глобализации, только в виде дуумвирата. Но идея Кимерики (Чимерики), которую выдвигал Н. Фергюсон

([Ferguson 2009]; см. также: [Ikenbery 2008]; см. главу 2, § 4), давно канула в Лету. А двуполярная система, наподобие того что было после Второй мировой войны, разделит Мир-Систему и блокирует развитие ее связанности.

Наконец, стоит добавить, что мы абсолютно не согласны со все еще популярной идеей (см., например: [Weizsäcker, Wijkman 2018; Kurtz 2019; Schwab, Malleret 2020; Schwab, Vanham 2022]) о том, что мировое развитие движется к чему-то, что можно было бы назвать мировым правительством. Новый порядок будет основан на других основаниях.

4. Некоторые предположения о группе Gx²³⁸

Итак, сколько членов может быть в Gx? Для построения гипотезы сформулирую основные идеи: а) новый порядок должен основываться на одновременно каком-то консенсусе и силе, способной навязать общие решения; б) консенсуса невозможно достичь в рамках большого количества членов, тем более навязать решения; в) поэтому этот «концерт» должен включать в себя ограниченное количество реально влиятельных держав и организаций. Исходя из этого, считаю, что пять-семь – это, на мой взгляд, оптимум. Вспомним, что после Второй мировой войны реально только три державы определяли контуры будущего мира. Эта тройка потом разошлась по геополитическим и особенно идеологическим противоречиям. Но в будущем, мы надеемся, идеологические барьеры не будут столь сильными, чтобы помешать формированию Gx.

Я не думаю, что такая группа Gx может оформиться без США. Последние будут оставаться мощной державой в любом случае. И это, кстати, уменьшало бы опасность крупномасштабной войны за гегемонию. Однако США не были бы гегемоном, а – при позитивном развитии событий – в части многих вопросов скорее первыми среди равных. В других вопросах мог бы выйти на передний край Китай.

Можно было бы гипотетически рассмотреть возможный состав ведущей группы в новом мировом порядке – Gx. Кто мог бы входить в этот глобальный «концерт», если исходить из сегодняшних реалий²³⁹? США, ЕС, Китай, Индия, РФ. Вот пятерка реально ведущих акторов. Можно было бы говорить о Бразилии (тогда была бы шестерка), но с военной точки зрения (в отличие от экономики и населения) это относительно слабая страна²⁴⁰. Разумеется, в рамках этой пятерки (или иного числа игроков Gx) постоянно будут различные блокировки по тем или иным вопросам. Для устойчивости нового порядка важно было бы, чтобы баланс сил не сдвигался существенно (как происходило в последние десятилетия), а лишь колебался.

Как можно видеть на Рис. 15, на настоящий момент западная часть гипотетической Gx оказывается мощнее по ВВП по номиналу и военным расходам, но в динамике этот разрыв будет сокращаться и одновременно увеличиваться разрыв в численности населения в пользу незападной части, как мы это видели в главе 4, § 1 (в частности, за счет роста населения в Индии).

²³⁸ В этом и следующем разделе я использую и развиваю идеи нашей статьи [Гринин Л. Е. и др. 2024а].

²³⁹ Многие подвергают сомнению прочность ЕС, например.

²⁴⁰ См., например, базу данных военных расходов SIPRI [SIPRI... 2023].

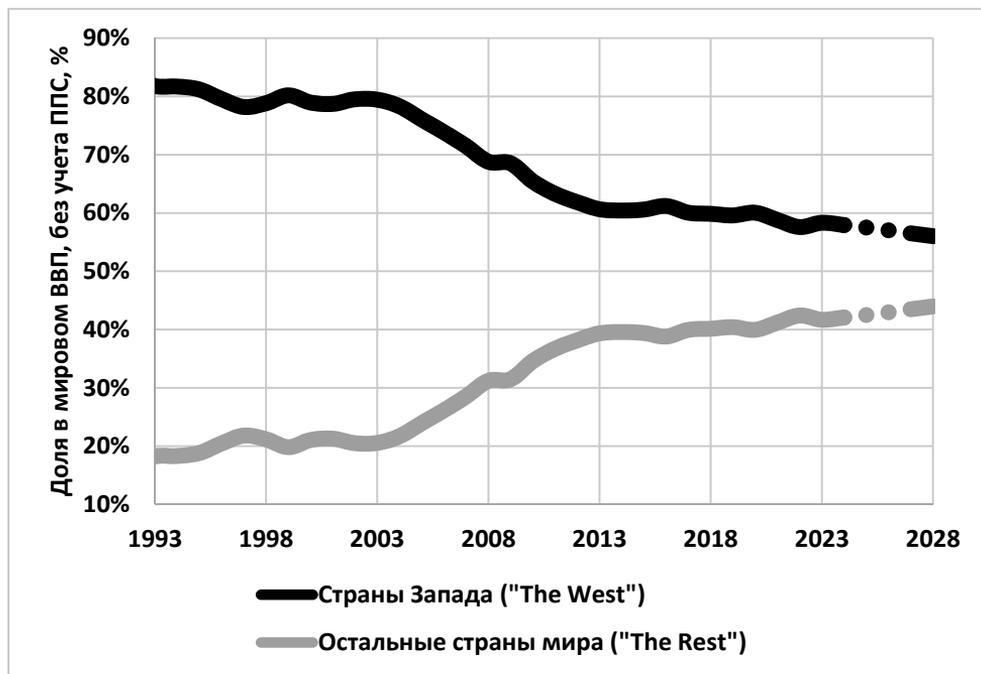

Рис. 15. Динамика доли стран Запада ("The West") и остальных стран мира ("The Rest") в мировом ВВП (без учета ППС), 1993–2023 гг. с прогнозом до 2028 г., %

Примечания: источник данных – последняя версия (октябрь 2023 г.) БД «ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ» (ИРМЭ) / "WORLD ECONOMIC OUTLOOK" (WEO) Международного валютного фонда [International... 2023]. В качестве прокси «стран Запада» использован агрегат МВФ *Advanced economies*.

Источник: Гринин Л. Е. и др. 2024б.

Таким образом, между двумя частями Gx не будет подавляющего в целом разрыва, а отсюда в таком гипотетическом глобальном «концерте» требовался бы консенсус. Конечно, достичь его было бы непросто, но при его достижении эта пятерка могла бы оказать очень большое влияние на остальной мир. Также мы видим, что в «концерт пятерки» входили бы три страны БРИКС, что заставляет еще более внимательно приглядеться к потенциам этой организации.

Модель системы «концертов». Gx, состоящий из пятерки, был бы малым «концертом». При этом на период укрепления принципов нового мирового порядка образование должно быть менее формальным на случай необходимости кооптировать в него новых членов.

Но если рассматривать возможность большого глобального «концерта», тогда в наше гипотетическое объединение нужно было бы пригласить такие континентальные объединения, как Африканский союз и, возможно, Объединение американских государств. Не исключено, что в него могли бы войти и крупные региональные организации вроде Лиги арабских государств, которые

должны были бы, как ЕС, иметь один и консолидированный голос²⁴¹. Вероятно, такой большой «концерт» мог бы сложиться на более позднем этапе. И, если бы в состав ведущих держав стали бы входить наднациональные образования, это свидетельствовало бы о реально новом этапе развития международных отношений²⁴².

По моему мнению, более прочным мировой порядок был бы, если бы включал несколько уровней. Два я охарактеризовал: это малый «концерт» (G5) и большой «концерт», включающий в себя ряд континентальных и региональных организаций. Но на нижнем этапе требовалась бы площадка для большей группы стран, куда будут присоединяться и остальные. Тут как раз такие организации, как БРИКС+, могли бы сыграть важную роль. Ну и, наконец, требовался бы уровень глобального «концерта». Модель, в чем-то похожая на ООН: Генеральная ассамблея, Совет безопасности, постоянные члены СБ. Но более гибкая и менее формализованная. Проблема ООН сегодня (одна из проблем) – необходимость существования слоя функционеров, которые как бы теряют связь со своими странами и которых, как показала практика, сверхдержава может поставить под контроль. Таким образом, предложенная модель уже выходит за рамки модели «концерта» ведущих держав. Это, скорее, уже *модель системы/уровней «концертов»*.

Модель системы «концертов» могла бы в значительной мере (насколько это вообще возможно при иерархическом устройстве) воплотить в себя идею «сложения устремлений всех стран и народов мира в зависимости от их силы убеждения и реального воздействия», что будет вынуждать «всех без исключения членов “международного сообщества” прийти к компромиссу, который будет реалистичным и гарантирующим реализацию минимума интересов отдельных игроков» [Дрвенский 2024].

Идея «мирового концерта» (и даже системы концертов) достаточно привлекательна для ряда исследователей. Коллектив 20 ученых-политологов из девяти стран предпринял международный исследовательский проект «Концерт великих держав XXI в.» и опубликовал в год 200-летия Венского конгресса (2015) на английском и русском языках коллективную монографию – исследовательский доклад, анализирующий такую возможность ([«Концерт...» 2015]; см. также: [Никитин 2016]). Подчеркивая большие сложности перехода к такой системе, авторы все-таки считают в принципе ее возможной. Однако хотел бы заметить, что переход к ней возможен только после реформатирования современного мирового порядка. Поэтому чрезмерная вовлеченность авторов указанного доклада механизмами соотношения с ныне существующими международными организациями, включая Совет Безопасности ООН, на мой взгляд, не является принципиально важной. Очень вероятно, что роль

²⁴¹ Таким образом, присоединялись бы Африка и Арабский Восток, составляющий половину исламского мира (а с исламскими странами Африки и индийской мусульманской общиной это была бы большая часть исламского мира).

²⁴² Мы, разумеется, не отрицаем развития и значения для складывания нового мирового порядка и сетевых отношений новой архитектуры мировой политики (см. об этом: [Лебедева 2024]).

этих институтов и организаций через два-три десятка лет станет существенно меньшей. Они и сегодня мало что решают. Также и выработанные критерии для определения, кто может входить в такой «концерт», конечно, важны, однако все же реальный состав будет во многом определяться не только объективными, но и иными критериями, включая политическую волю, активность, авторитет и прочее.

Согласно указанному докладу выявляются три варианта современного «концерта великих держав». Во-первых, это «концерт» из десяти государств, которые соответствуют более чем половине критериев, – США, ЕС, Россия, Китай, Индия, Япония, Индонезия, Бразилия, Мексика и Саудовская Аравия. Во-вторых, это расширенный для соблюдения регионального и культурного баланса «концерт», объединяющий тринадцать государств, включая Австралию, Египет и ЮАР. В-третьих, если отказаться от задачи поддержания баланса между различными регионами и сосредоточиться на задаче учета экономического и военного потенциала «концерта великих держав», то число его участников может возрасти до семнадцати государств, включая Турцию, Аргентину, Канаду и Республику Корея [«Концерт...» 2015: 49]. На мой взгляд, все же даже 10 членов «мирового концерта» не являются оптимальным количеством.

Теория и практика на примере G-20. Но повторю, что только практика может решить, какой численности и сложности модель будет оптимальной и соответствующей интересам главных сил и ведущим трендам. При этом в определенный момент могут использоваться какие-то уже существующие формы, которые активно не использовались (образно говоря, находились «в запасе»), но в нужный момент будут востребованы. Такого рода отбор описывается в концепции эпохи новых коалиций. В связи со сказанным о востребованности малозначимых объединений в подходящий момент очень полезно вспомнить историю организации G-20.

«Большая двадцатка» возникла в конце 1990-х гг., когда азиатские страны были охвачены финансовым кризисом, а западные страны не могли решить, как на него реагировать. Тогда министры финансов «Большой восьмерки» выступили с инициативой расширить круг стран для обсуждения вопросов финансовой политики, пригласив туда такие крупные государства, как Китай и Индия, без которых мировые экономические проблемы решить было невозможно. Первоначально в 1999 г. была сформирована G33, то есть группа из 33 стран. Но она была слишком громоздка, поэтому скоро ей на смену пришла G22. Но и она просуществовала недолго, после чего и была сформирована «двадцатка» в конце 1999 г. Отметим, что отбор в основном, конечно, производили США, Великобритания и другие западные страны. Созданная по случаю, эта организация с конца 1999 г. находилась на задворках. Основным форматом были ежегодные встречи министров финансов и глав центробанков. Однако в 2008 г. разразился мировой финансово-экономический кризис, который застал врасплох США, Запад и весь остальной мир. Поэтому о G20 вспомнили, и временно организация вышла на передний план. Саммиты G20 собирались даже не один раз в год, а чаще, как экстренные совещания и

уже на уровне глав государств и правительств. Первый, с названием «антикризисный», прошел в ноябре 2008 г. в Вашингтоне, следующий – уже в апреле 2009 г. в Лондоне, а в сентябре того же года «двадцатка» собралась в Питтсбурге. Особых экономических результатов, впрочем, встречи в верхах давали мало, однако обозначились различные интересы, были поставлены вопросы об отходе от гегемонии доллара, неравноправных отношениях и др. (об истории организации и ряде ее аспектов см.: [Cooper 2011; Wouters, Van Kerkhoven 2011; Kirton 2013]).

По мере того как проблемы, связанные с экономическим кризисом, ослабевали, G20 фактически переходила на политический уровень. Роль этого объединения повысилась, его даже стали называть «управлением» для глобализирующегося мира (см., например: [Kirton 2013]), что, конечно, было преувеличением. Но так или иначе этот форум, объединяющий страны из разных частей мира, намного более репрезентативен и сбалансирован, чем «Большая семерка», и дает возможность для мировых лидеров встретиться без организации официального визита, чтобы обсудить текущие дела. В любом случае сегодня это единственная организация, которая объединяет ведущие страны как Глобального Севера, так и Глобального Юга. И, весьма вероятно, что в будущем ее роль увеличится, но, думаю, именно как переходного к новому мировому порядку типа организации.

5. О фазах реконфигурации Мир-Системы и движения к новому мировому порядку

Как уже было сказано, между двумя системами мирового порядка могут быть более или менее длительные периоды условного беспорядка, конфликтности, выяснения возможностей и пробы сил, к несчастью, часто принимающие форму ожесточенных войн. К сожалению, такие периоды могут длиться долго (в XX в. это был период от начала Первой мировой войны до конца 1940-х гг.). Можно предположить, что период реконфигурации Мир-Системы и формирование нового мирового порядка займет не менее двух десятилетий, а возможно, и больше. *Ускорение реконфигурации Мир-Системы в сегодняшних реалиях ведет к ее фрагментации и деглобализации, и это ускорение может даже усилиться*²⁴³.

Таким образом, для построения новой системы мироустройства потребуется период проб и ошибок; поэтому у нас впереди трудные и бурные годы, годы радикальной трансформации баланса сил между разными странами и союзами. Этот процесс охватит также часть среднесрочного периода и будет происходить при благоприятных условиях в 2020–2040-е гг. Этот период и будет расцветом того, что мы называем эпохой новых коалиций.

²⁴³ В таком случае нам еще предстоит отказываться от многого, к чему мы привыкли за предыдущие десятилетия: от свободных контактов с людьми из разных стран и континентов, от наличия в магазинах товаров со всего мира, от более или менее объективных медиа, соблюдения основных прав и свобод и т. п. Если же далее произойдут крутые повороты, например вторжение Китая в Тайвань, то процесс фрагментации Мир-Системы резко усилится. Но даже если ничего не случится и конфликт на Украине затухнет или перейдет в вялотекущую фазу, разорванность Мир-Системы может сохраняться до конца 2020-х гг.

Наиболее жесткие противостояния и трения будут, по моему мнению, в ближайшее десятилетие. Период турбулентности может продолжаться до конца 2030-х – начала 2040-х гг., но, можно предположить, что противостояние со середины 2030-х будет уже менее серьезным. Напряжение будет сохраняться из-за ослабления США, из-за их желания не допустить усиления новых лидеров, а также из-за попыток других держав отстаивать свои интересы. С другой стороны, возможно ослабление существующих в настоящее время блоков (например, ЕС, ОПЕК и др.). Социально-политические кризисы в крупных развивающихся странах, в частности в Китае и Индии (см., например: [Vague 2015; Bishop 2018]), также не исключены, так как причин для этого много. Таким образом, ослабление политических связей или неудачные реформы могут ухудшить ситуацию.

Однако мы считаем, что эти страны способны справиться с большими потрясениями без катастрофических последствий. Тем не менее **в 2050–2060-х гг. уже должны сформироваться контуры и принципы нового миропорядка (или, как вариант, существенно возрастет напряжение в Мир-Системе)**. А далее должна стартовать новая фаза реконфигурации, когда начнется процесс собирания новой системы на новых основаниях. За это время могут быть изобретены модели, пригодные к внедрению в будущее мировое устройство, сформируются объединения и союзы, частичные по содержанию и противоречивые по направленности, но создающие некую почву для новых отношений. За это время США еще более ослабнут: внутренние финансовые, долговые, социальные и политические проблемы усилят их кризис. Другие державы, особенно Китай, но также Индия и Россия, тем или иным образом приспособятся к новому состоянию и оформят свои экономические и политические связи. Европа, справившись с энергетическим кризисом, продолжит ослаблять себя зелеными повестками (вроде отказа от производства автомобилей с ДВС к 2035 г.), постепенно угасая. Многие растущие экономики и страны увеличат свой вес на мировой арене.

По моему мнению, баланс мировых сил в ближайшие три-четыре десятилетия существенно изменится в пользу стран, которые сейчас считаются развивающимися (или их союзов). В конце концов, начнется движение в сторону принятия общих решений. Таким образом, трудно будет игнорировать восьми- или более кратное превосходство населения развивающихся стран над развитыми (которое установится уже примерно к 2050-м гг., см. Рис. 7 в главе 4, § 1).

6. Опасность недооценки возможностей США

Как не раз уже говорилось, для формирования нового мирового порядка должно существенно измениться соотношение сил, так как более или менее устойчивый порядок всегда опирается на баланс сил [Kissinger 1994, 2001, 2014]. Безусловно, многое зависит от военной мощи стран. Однако и она будет постепенно меняться. Во всяком случае, это может быть справедливо для Китая, Индии и других государств, военная мощь которых растет [Holslag

2017; Amin 2019; Bandeira 2019; Marwah 2019]. В целом объем производства и совокупная экономическая и демографическая мощь стран будут все больше определять соотношение сил в мире и их влияние на формирование мироустройства. В условиях застойного состояния и стареющего населения своих стран западный бизнес (прежде всего ТНК) неизбежно устремится на растущие рынки в развивающихся странах. Продолжится и перенос различных форм экономической деятельности в развивающиеся страны. Вместе с повышением эффективности экономических и финансовых стратегий в развивающихся странах это неизбежно приведет не только к изменению баланса сил и правил мироустройства. Следует также иметь в виду, что доля мигрантов из развивающихся стран или их потомков в населении развитых стран растет. К 2040–2050-м гг. их станет очень много, возрастет их влияние на культуру Европы и США, политику и отношения последних со странами их происхождения, что может стать еще одним крупным козырем для развивающихся стран.

И, как сказано, есть основания надеяться, что период 2030–2040-е гг. должен завершиться формированием протоконтуров нового мирового порядка. Однако период распада современного американского порядка может и затянуться. Большие шансы на то, что хотя переходный период изменения и стабилизации геополитических балансов будет связан с локальными конфликтами, он все же в основном отрегулируется гибридными, но не горячими крупными войнами. Тем не менее нельзя недооценивать опасности резко неадекватных реакций элит США и стран Запада на растущие для них вызовы, что может вызвать крупномасштабные войны.

И в целом нельзя недооценивать мощь и возможности США, потенции их бизнес-среды, возможные технологические прорывы (в частности, в области ИИ) и другие вещи. Недооценка этой мощи и переоценка степени ослабления гегемона чреваты большими ошибками, потерями или даже серьезными кризисами для оппонентов США, из которых эти оппоненты, включая РФ, могут выйти ослабленными или разобращенными. Надо исходить из того, что **время работает на те державы, которые противостоят США, и против США, которые неизбежно ослабевают**. Однако ослабевают постепенно, все еще сохраняя репрессивную и иную мощь. Поэтому не следует торопиться «хоронить» США, и там, где можно ждать, надо ждать и строить элементы независимости. Резкие действия могут быть только в случае, когда иного выбора не остается.

Главная сила США в том, что большинство стран так или иначе оказались в той или иной зависимости или уязвимости от США. Штрафы и наказания для корпораций, отслеживание и наказание тех, кто нарушает американские санкции, контроль за финансами лидеров союзных стран и стран-оппонентов, запреты и иные вещи, аресты, угроза повышения ввозных пошлин и т. п. – это позволяет США командовать очень многими. Сеть контроля огромна. При этом США осуществляют этот контроль относительно дешево, нанося болезненные уколы оппонентам, а нередко и собирая «дань» таким образом. РФ и другие страны правильно и достаточно активно действуют, ища способы

ослабить этот контроль и это давление. Однако следует поставить это в перечень важнейших задач внутренней и внешней политики и постепенно, но неуклонно ослаблять эту удавку, координируя действия и расширяя круг стран, участвующих в них.

В этой работе описано много объективных факторов, которые влияют на ослабление США и их гегемонии. Их учет очень важен. Но важно понимать, что главная опасность для США не во внешнем окружении, изменении отношений, антиамериканизме и координации действий против США. У них еще немало сил и возможностей, чтобы пытаться ослабить, разъединить, обрушить оппонентов. Тут, кстати сказать, главная опасность от США для их оппонентов исходит именно от попыток США и их спецслужб и иных акторов подорвать режимы, посадить нужных людей, взять в оборот высших руководителей и т. п. Поэтому укреплять режимы, заботиться о спокойном и мягком трансфере власти, снижать социальное напряжение и т. п. – важнейшая забота для РФ и других стран. Главная слабость США идет изнутри. Это деградация их политической элиты, раскол страны и систематическое вытравливание американских принципов, ценностей и идеалов, которые сделали Америку великой, замена их на искаженные, зазеркальные перевертыши этих принципов, почти по Оруэлу. Свобода – это цензура и культура отмены за выражение собственного мнения, равенство – это особые права для меньшинств и псевдоменьшинств, семья – это феминизм и право калечить детей, свобода совести – это унижение религии, меритократия / оценка по результатам – это расстановка топ-менеджеров по анкетным данным и т. д. и т. п.

Надо, с одной стороны, отгораживаться от этой идеологии (см. следующий параграф), а с другой – не исключено, надо искать возможности блокироваться с глобалистами – главными организаторами этого наступления на жизненные принципы Америки, главными их разрушителями (об этом много говорилось в этой работе). Глобалисты в то же время противники военных конфликтов. Идея: раз главные слабости США внутри этой страны, внутри ее политической, культурной, финансовой и другой повестки, нужно систематически усиливать свое влияние для увеличения внутриамериканских противоречий. Это сложно, требует большой работы. Вероятно, она ведется, но, представляется, недостаточно. **Нужно перестать рассматривать Америку как нечто единое и думать, как ей противостоять извне, а попытаться усилить влияние для противостояния ее давлению изнутри, в том числе пытаться играть на обеих сторонах американской элиты.** Нам следует поучиться у американцев, как это делать. Кое-что мы неплохо освоили: так, Russia Today становится опасной для США и Запада, но в этом направлении очень много возможностей. Поскольку идет и усиливается гибридная война, необходимо глубже понимать, каким образом использовать ситуацию, расширяя фронт собственных возможностей.